

УДК 1(091)

**ПО ПОВОДУ
КАНТОВА ПРЕДИСЛОВИЯ
К КНИГЕ ЛЮДВИГА
ГЕНРИХА ЯКОБА
«ИСПЫТАНИЕ
МЕНДЕЛЬСОНОВЫХ
“УТРЕННИХ ЧАСОВ”»
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ**

Л. А. Калинин*

Рассмотрены обстоятельства появления критического отклика Канта на последнюю книгу М. Мендельсона «Утренние часы...» в связи с анализом ее в работе Л.Г. Якоба. Объясняется, почему Кант вынужден был время от времени вступать в полемику со своими оппонентами, несмотря на обещание этого не делать и беречь силы для осуществления своей цели – построения непротиворечивой, и потому прочной и эффективной, системы философии. Значение такого рода небольших полемических работ Канта заключается в том, что они помогают понять эзотерические тексты, поскольку разъясняют узловые моменты системы. Так, благодаря возражению против Мендельсонова сведения философских споров к чисто языковым недоразумениям, к спорам о словах, становится ясно, что, с точки зрения кёнигсбергского профессора, философия не может существовать как лингвистическая теория. Следовательно, послекантовские попытки такого рода так же бесплодны, как и прижизненные. К тому же Кант не ограничивается констатацией ошибок в работах своих критиков, а доводит дело до обнажения их логической природы, до демонстрации логической сути.

***Ключевые слова:** «Утренние часы...», М. Мендельсон, Л.Г. Якоб, язык и реальность, количественность и качественность.*

В предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» Кант заявил, что более не намерен пускаться в споры со своими оппонентами, так как опасается, что не успеет осуществить всего намеченного. К 63 годам ему удалось выполнить лишь критическую часть работы, а вся положительная – разработка системы метафизики – еще впереди: «Так как за время этих работ я уже успел состариться (в этом месяце мне исполняется шестьдесят три года), то я должен бережливо относиться ко времени, если я хочу выполнить свой план – построить метафизику природы и метафизику нравов в подтверждение правильности критики как

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 29.05.2015 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2015-2-7

© Калининков Л. А., 2015

спекулятивного, так и практического разума» (Кант, 1964, с. 103; В XLIII). Этой стратегической линии поведения Кант начал придерживаться много ранее апреля 1787 года, когда довел ее до сведения широкой публики. Так, получив в октябре 1785 года книгу Моисея Мендельсона «Утренние часы, или Лекции о бытии Божьем» (далее — «Утренние часы»), Кант вовсе не собирался вступать с ним в полемику, хотя и название работы Мендельсона — «Утренние часы» — недвусмысленно говорило, что она обращена к Канту, поскольку широко уже было известно, что кёнигсбергский философ пишет ранним утром, и содержание книги направлено на опровержение важнейшего раздела «Трансцендентальной диалектики» «Идеал чистого разума» — одного из ключевых моментов всей «Критики чистого разума», в котором Кант убедительно доказал, что все попытки логического доказательства бытия Бога ошибочны. Отсюда из принципов рационализма следовало, что *Бога нет*, ибо для рационалистов бытие строго скоррелировано с логическим принципом разума. Однако Мендельсон, не отказываясь от фундаментальной догмы рационализма, согласно которой порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей, как ему казалось, нашел способ доказательств бытия Божия.

Конечно, надо принять во внимание тот факт, что своими «Утренними часами» М. Мендельсон не только возражал Канту, но также участвовал в споре с Фр. Г. Якоби по поводу философского значения Спинозизма. Каждый из споривших, особенно Фр. Г. Якоби, настаивал на близости своей позиции Кантовой. Канту концепция Б. Спинозы была чрезвычайно интересна и важна своей идеей *causa sui*, опираясь на нее, Кант решал ряд важных теоретических проблем, в частности, проблему свободы. Поэтому в *спор о спинозизме* он сам собирался вмешаться, но вовсе не для того, чтобы поддержать позицию кого-либо из споривших, а для разъяснения и утверждения собственной, заключающейся в *трансцендентальной идее Бога как постулате практического разума*, несмотря на то, что в качестве *идеи теоретического разума идея Бога пуста*. И. Э. Бистер, редактор журнала «*Berlinische Monatsschrift*», своей просьбой высказаться относительно столь важного спора, обращенной к Канту, подтолкнул его к выполнению своего намерения. В результате в октябре 1786 года в журнале появилась статья Канта «Что значит ориентироваться в мышлении?»¹

Однако высказаться непосредственно о книге Мендельсона Канту все же пришлось. Критическая рецензия готовилась одновременно с текстом «Что значит ориентироваться в мышлении?» Работа по сути дела шла параллельно.

К середине 80-х годов XVIII века не только критики Канта успели высказаться о предложенной им системе, появилось и много сторонников. В университетах Галле и Йены популярными среди студентов стали курсы лекций по «Критике чистого разума». Молодежь вступала в жаркие дискуссии, устраивались диспуты. О споре студентов, правда, в Кёнигсбергском университете, продолженном через 20 лет после окончания университета, рассказывает в «Серапионовых братьях» Э. Т. А. Гофман. Хр. Г. Шютц, профессор красноречия и поэзии в Йене, передает в письме Канту об анекдотическом случае, произошедшем на неделе в университете. Состоялась кровавая дуэль между двумя студентами, один из которых утверждал, что

¹ См. мой комментарий в издании: (Кант, 2009, с. 255–257).

книгу Канта понять невозможно, надо читать ее сначала тридцать лет, а затем еще столько же делать примечания и комментарии, а другой вступился за высокие достоинства кантовской работы (Schütz, 1972, S. 282 – 283).

Кант понимал, что можно игнорировать критику, и то до определенных пределов, но, когда его идеи излагают и аргументируют сторонники, нужна точность интерпретации и убедительность аргументов; и важно, чтобы не допускались любые неточности. Он неслучайно в «Предисловии ко второму изданию» (а это как раз 1787 год, то есть вторая половина 80-х годов) предупреждает читателя о необходимости исходить из ясного понимания смысла целого, ибо здесь «малейший недостаток, будь то ошибка (заблуждение) или упущение, неизбежно обнаружится при применении», а «попытки изменить самую малую часть тотчас же ведут к противоречиям не только в системе, но и в общечеловеческом разуме» (Кант, 1964, с. 100; В XXXVIII). Хорошо известно, что в таких случаях не совсем умелые защитники могут причинить больший вред, нежели самые отъявленные враги. Профессор Кант не мог отказать в помощи строгому и точному пониманию сложных философских проблем, отчего ситуация вокруг Мендельсоновых «Утренних часов» развивалась следующим образом. Вышеупомянутый профессор Христиан Готфрид Шютц (Ch. G. Schütz), бывший и издателем-редактором «Йенской всеобщей литературной газеты», в письме Канту от 13 ноября 1785 года среди извещения о получении второй части рецензии на «Идеи к философии истории человечества» И.Г. Гердера и других дел сообщил также, что М. Мендельсон прислал ему свои «Утренние часы», где задается смысловое ядро «Критики...», и как он пишет: «In einigen Tagen will ich selbst daran gehen» – «На днях я сам займусь этим» (Schütz, 1972, S. 276). Уже в конце ноября (точная дата неизвестна из-за утраты конца письма) Шютц имел определенно выраженное мнение Канта по затронутому в «Утренних часах» вопросу (Kant, 1972, S. 280 – 281).

Хр. Г. Шютц свое намерение написать рецензию на книгу Мендельсона осуществил: в номерах первом и седьмом (соответственно за 2 и 9 января 1786 года) «Йенской всеобщей литературной газеты». Рецензия появилась и в письме Канту, датированном февралем 1786 года, Шютц пишет: «Не скажите ли при случае пару слов о сообщении об Мендельсоновой книге во “Всеобщей литературной газете”, если Вы не имеете ничего против?» (Schütz, 1972, S. 283). Будучи редактором, Шютц свою рецензию, написанную с учетом мнения Канта, оставил без подписи, вследствие чего у публики возникли подозрения, что к ней приложил руку сам Кант, а «Готская ученая газета» за 25 января 1786 года подала их как факт.

Ситуация оставалась такой, когда на сцене появился магистр из университета Галле Людвиг Генрих Якоб (Ludwig Heinrich Jakob), вставший на кантовские философские позиции и начавший читать в университете (один из первых за пределами Кёнигсберга) курс лекций по «Критике чистого разума». А в основанном им журнале «Анналы философского образа мыслей общества ученых людей» большое место было отдано философии Канта, иногда номера журнала полностью были посвящены анализу его идей.

В письме к Канту от 26 марта 1786 года он обратился с вопросом: не собирается ли тот еще что-то написать по поводу книги Мендельсона, и если нет, то он, Якоб, подверг бы анализу и критике «Утренние часы», на это Кант в ответном письме от 26 мая уверил Якоба, что слухи, будто он высту-

пал в печати с опровержением Мендельсоновой книги, ложны, а сообщение в «Готской газете» — полнейшее недоразумение. Намерения Л.Г. Якоба он полностью одобряет и даже готов по поводу важнейших пунктов книги Мендельсона прислать ему небольшой текст. Уже 17 июля Якоб сообщил, что труд его почти готов и что он счастлив был бы получить обещанный Кантом вклад в его работу. Статья Канта, посланная Якобу, датирована 4 августа 1786 года, то есть Кант поспешил с осуществлением своего обещания.

Книга Л.Г. Якоба, в которой текст Канта играл роль предисловия, появилась в октябре 1786 года. Титул ее гласил: «Испытание Мендельсоновых “Утренних часов”» или всех спекулятивных доказательств бытия Божия, в лекциях Л.Г. Якоба, доктора философии в Галле. Вместе с сочинением господина профессора Канта. Лейпциг, 1786» («Prüfung der Mendelssohnschen Morgenstunden oder aller speculativen Beweise für das Daseyn Gottes in Vorlesungen von L.N. Jakob, Doctor der Philosophie in Halle. Nebst einer Abhandlung von Herrn Professor Kant») (Maier, 1923, S. 485—486).

В своих «Нескольких замечаниях...» Кант возражает Моисею Мендельсону, выделяя два очень спорных его принципа. Во-первых, это принцип, заключающийся в мысли, что все философские споры различных философских школ носят чисто семантический характер, что это только игра слов, бесконечная и увлекательная, но беспредметная. Он резонно замечает, что такая позиция заставляет умолкнуть всех спрашивающих задолго до того, как они могли бы найти ответы на свои вопросы. В качестве примера Кант обращается к проблеме детерминизма и свободы в природном мире, которую он рассматривал в «Критике чистого разума» как третью антиномию трансцендентальных космологических идей. Догматическая метафизика не в состоянии ее разрешить, но из этого вовсе не следует, что речь идет исключительно о вербальном споре. Даже при дискуссии о свободе и необходимости как определениях воли (и Кант вспоминает статью Мендельсона, еще в 1783 году опубликованную в журнале «Berlinische Monatschrift»), свести все к спору о словах невозможно: как будто свобода воли и есть ее необходимость, а необходимость воли проявляется в ее свободе, ибо слово *должен* (müssen), по утверждению Мендельсона, держит два смысла, *субъективный* и *объективный*, как равнозначные. Но отождествлять свободу и необходимость есть то же самое, по выражению Юма, что прорыв океанской плотины пытаться заткнуть охапками соломы (Kant, 1923, S. 152). Обстоятельства подчас более детерминируют волю, нежели воля — обстоятельства, то есть в поступке воли или объективное начало господствует, или наоборот.

Второй принцип, или максима, к которой прибегает Мендельсон, — это ограничение разума в его любознательности пределами так называемого *здравого разума*, выход за которые уже якобы не имеет смысла. Этот принцип, как мы можем видеть, покоится на Лейбницевои законе непрерывности (*lex continuitatis*) как физически-метафизическом, в конечном счете сводящем мир к однокачественности, вопреки идее монадности. Кант цитирует содержащее этот принцип положение Мендельсона: «Когда я вам говорю, что некая вещь как-то действует или подвергается действию, то не спрашивайте далее, что она такое! Если я вам говорю, какое понятие вещи вы должны для себя сформировать, то дальнейший вопрос о том, чем явля-

ется эта вещь сама в себе, не имеет смысла». Кёнигсбергский профессор никак не может с этими утверждениями Мендельсона согласиться, вскрывая логическую уловку, которая в них содержится.

Ведь если идею Бога мыслить как *истинную* и *совершенную* реальность, то есть как вещь в себе, то такая реальность противопоставляется не только всему отрицательному, но и действительной реальности, реальности в явлениях. Если теперь начать уменьшать степень совершенства *истинной* реальности в различных отношениях (в отношении всеведения, всеблагости, всевластия, вездесущия и т.п.), то вы получаете менее совершенные вещи как вещи в себе, принадлежащие, как считает Мендельсон, той же самой истинной реальности. Но так ли это? Можно ли применять к идее Бога понятие *уменьшения*, оставляя Бога Богом? Всякое уменьшение приводит уже к совершенно иной действительности, вещь в себе становится земной реальностью, и они отличаются не степенью, а принципиально, качественно.

И Кант противопоставляет этой софистической уловке пример собственного рассуждения подобного вида из своего трактата «Метафизические начала естествознания». Здесь сущностную роль играет соотношение понятий *абсолютного* и *эмпирического* пространства. Вопросы вызывает, конечно, понятие абсолютного пространства. «Как мы приходим к этому странному понятию и на чем основана необходимость его применения? — спрашивает Кант и отвечает: Абсолютное пространство не может быть предметом опыта, ведь пространство без материи не есть объект восприятия; и все же оно необходимое понятие разума, стало быть не более как *идея*» (Кант, 1966, с. 168). Мендельсон высказывает мысль об уменьшении меры предикатов абсолютной сущности, у Канта же, напротив, — мысль о расширении до абсолютного *эмпирического представления о пространстве*.

Более развернуто размышление об отношении абсолютного и относительного пространства представляет собою следующее рассуждение: «Во всяком опыте нечто должно ощущаться, и это есть реальное [содержание] чувственного созерцания, следовательно, должно быть ощущаемо и пространство, в котором нам надлежит постигать движения на опыте; иными словами, пространство должно быть обозначено посредством того, что может быть предметом ощущения; такое пространство, как совокупность всех предметов опыта и как *объект этого опыта* (курсив мой. — Л. К.), называется *эмпирическим пространством*. Будучи же материальным, это пространство подвижно. А подвижное пространство, если его движение должно быть воспринято, в свою очередь, предполагает другое, более широкое, материальное пространство, в котором оно способно двигаться, это — еще одно и так далее до бесконечности.

Следовательно, всякое движение как предмет опыта чисто относительно; пространство, в котором оно воспринимается, есть относительное пространство...» (Кант, 1966, с. 70)

Как же связано оно с абсолютным пространством? Кант продолжает свое рассуждение и показывает, что в стихии опыта мы вынуждены с необходимостью где-то остановиться и ввести уже неподвижное, то есть пустое абсолютное, пространства, отдавая себе отчет, что это переход к лишь мыслимой, а не действительной реальности. «Допускать абсолютное пространство (то есть такое, которое, поскольку оно не материально, не может быть и предметом опыта) как *данное само по себе*, — значит во имя возможности опыта, который между тем всегда может осуществляться и без абсолютного

пространства, допускать нечто такое, что ни само, ни в своих следствиях (в движении в абсолютном пространстве) воспринято быть не может. Следовательно, абсолютное пространство *само по себе* есть ничто и *не есть объект* (курсив мой. — Л.К.), а означает лишь всякое другое относительное пространство, в любой момент мыслимое мною за пределами данного и отодвигаемое мною до бесконечности как такое, которое включает в себя первое и в котором я могу это первое пространство признать движущимся» (Кант, 1966, с. 71).

Заключая это рассуждение, философ показывает, чем употребление разума в согласии с законами самого философского разума отличается от беззаконного его употребления: «Превращать же его (то есть абсолютное пространство. — Л.К.) в действительную вещь — значит *логическую всеобщность* какого-либо пространства, с которым я могу сравнивать любое эмпирическое пространство как заключенное в нем, смешивать с *физической всеобщностью* действительного объема, а тем самым обнаруживать непонимание идеи разума» (Кант, 1966, с. 71).

Прекрасный урок обращения с идеями для любого философа!

В заключение отмечу два важных момента, уже не имеющих прямого отношения к «Утренним часам» М. Мендельсона и книге о них Л.Г. Якоба, если не считать отношения отрицательного: из образа мышления Мендельсона подобных выводов не следует, а значит, их и не получать. Первый из них — это обращающее на себя внимание введение в философскую методологию наук о природе такого подхода, который Кант назвал в «*Метафизических началах естествознания*» *форономией*, тем самым утвердив принцип относительности проницаемости и непроницаемости материи как универсальный принцип. Предложенный термин *форономия* произведен от латинского глагола *foro* — *буравить, просверливать, продырявливать* и несет в себе идею всеобщей проницаемости материи как проявление принципа необходимости взаимодействия всех субстанций и конечного принципа *материального единства мира*. Из принципа относительности проницаемости и непроницаемости Кант исходит уже в построениях «*Всеобщей естественной истории и теории неба*» (1755), утверждая идею относительности сил притяжения и отталкивания. Важнейший вывод *форономии* — это положение о невозможности *абсолютной пустоты* в природе, о том, что *пустота* есть идея разума.

В заключительном синтетическом разделе трактата «*Метафизические начала феноменологии*» Кант еще раз возвращается к этому вопросу и ставит все точки над *i*: «Пустое пространство в *форономическом* смысле, называемое также абсолютным пространством, не следовало бы называть пустым; ведь оно есть лишь идея пространства, в котором я отвлекаюсь от всякого отдельного вида материи, делающей его предметом опыта, отвлекаюсь, чтобы мыслить в нем материальное, то есть любое эмпирическое, пространство как подвижное, а тем самым мыслить движение не односторонне, как абсолютное, а всегда в соотнесенности с другим, как чисто относительный предикат. Пустое пространство не есть, следовательно, нечто относящееся к существованию вещей, а есть нечто целиком относящееся к определению понятий, и в этом смысле никакого пустого пространства не *существует*» (Кант, 1966, с. 174).

Второй значимый момент — это тот факт, что из текста «*Метафизических начал естествознания*» более определенно следует, что априорные трансцендентальные формы не есть нечто субъективно производное, за-

ключенное лишь в чистом трансцендентальном «Я», им соответствуют в объективной реальности, то есть в вещи в себе как *совокупности всего возможного опыта*, определенные связи и отношения, это и обеспечивает априорным формам их эффективную истинность, их способность формировать истинное научное знание. Формировать то, что Кант называет *опытом*. «Метафизические начала естествознания» демонстрируют, что это относится не только к априорным формам рассудка, но, что еще более важно, к пространству и времени как априорным формам чувственности.

Поскольку в основополагающих текстах Канта полемика сведена к минимуму, такие рецензии, как эта на последнюю книгу М. Мендельсона (в связи с ее оценкой Л. Г. Якобом), приобретают особый смысл, давая возможность полнее и глубже понять самого великого философа.

Список литературы

1. *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 3.
2. *Кант И.* Метафизические начала естествознания // Там же. 1966. Т. 6.
3. *Кант И.* Трактаты. Рецензии. Письма. Калининград, 2009.
4. *Kant I.* Brief vom Ende Nov. 1785 // I. Kant. Briefwechsel. Hamburg, 1972.
5. *Kant I.* Einige Bemerkungen zu L. N. Jakob's Prüfung der "Mendelsohnschen Morgenstunden" // Kant's gesammelte Schriften Hrs. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. B VIII. Berlin ; Leipzig, 1923.
6. *Maier H.* Einleitung Zur "Einige Bemerkungen zu L. N. Jakob's Prüfung der Mendelsohnschen Morgenstunden" // Kant's gesammelte Schriften Hrs. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. B VIII. Berlin ; Leipzig, 1923.
7. *Schütz Ch. G.* Brief vom 13 November 1785 // I. Kant. Briefwechsel. Hamburg, 1972.
8. *Schütz Ch. G.* Brief vom Febr. 1786 // I. Kant. Briefwechsel. Hamburg, 1972.

Об авторе

Леонард Александрович Калинин — д-р филос. наук, проф. кафедры философии Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, kant@kantiana.ru

ON KANT'S REMARKS ON LUDWIG HEINRICH JAKOB'S EXAMINATION OF MENDELSSOHN'S MORGENSTUNDEN (PREFACE TO THE PUBLICATION)

L. Kalinnikov

This article considers the circumstances of the appearance of Kant's remarks on the last book of M. Mendelssohn Morgenstunden... in relation to its analysis in L. G. von Jakob's work. It is explained why Kant had to participate in debates with his opponents, despite the resolution to avoid them and concentrate on constructing a consistent and thus solid and effective system of philosophy. The significance of Kant's small polemic works lies in that they explain the key elements of his system. Due to the objection to Mendelssohn's reduction of philosophical debates to linguistic misunderstandings, i. e. discussions of words, it becomes clear that, from the perspective of the Königsberg philosopher, philosophy cannot exist as a linguistic theory. Therefore, similar attempts made after Kant are as futile as those made during his lifetime. Kant does not only discover mistakes in the works of his opponents, but also demonstrates their logical nature.

Key words: M. Mendelssohn's Morgenstunden, "Prüfung Der Mendelsohnschen Morgenstunden" by von Jakob, language and reality, quantitativity and qualitativity.

References

1. Kant, I. 1963, *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason], in: Kant, I. *Sobr. soch.* v 6 t. [Collected works in 6 volumes], Moscow. T. 3.
2. Kant, I. 1966, *Metafizicheskie nachala estestvoznaniija* [Metaphysical Foundations of Natural Science], Moscow.
3. Kant, I. 2009, *Traktaty. Recenzii. Pis'ma* [Treatise. Reviews. Letters], Kaliningrad.
4. Kant, I. 1972 *Brief vom Ende Nov. 1785*. In: Kant I., Briefwechsel. Hamburg.
5. Kant, I. 1923, *Einige Bemerkungen zu L.N. Jakob's Prüfung der Mendelsohnschen Morgenstunden*". In: Kant's gesammelte Schriften Hrs. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. B VIII. Berlin ; Leipzig.
6. Maier, H. 1923, *Einige Bemerkungen zu L.N. Jakob's Prüfung der Mendelsohnschen Morgenstunden*". In: Kant's gesammelte Schriften Hrs. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. B VIII. Berlin und Leipzig.
7. Schütz, Ch. G. 1972 *Brief vom 13 November 1785*. In: Kant I., Briefwechsel. Hamburg.
8. Schütz, Ch. G. 1972 *Brief vom Febr 1786*. Kant I., Briefwechsel. Hamburg.

About the author

Prof. Leonard Kalinnikov, Department of Philosophy, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, kant@kantiana.ru